

ПРОЕКТ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА 1915 ГОДА О ВОЕННО-ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОВИННОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СНАБЖЕНИЯ ФРОНТА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. В. Оськин

Институт законовeдения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула)

Поступила в редакцию 26 февраля 2015 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме снабжения фронта в 1915 г. и взглядам военного министерства на способы ее решения. Выдвигая проект военно-продовольственной повинности, военные власти намеревались взять дело снабжения фронта в свои руки.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, снабжение фронта, военно-продовольственная повинность, Главное интендантское управление.*

Abstract: *the article is devoted to the problem of supplying the front in 1915 and the views of the Ministry of War on the ways to solve this problem. Putting forward a draft military-food service, the military authorities to take matters merevalis-supply front in their hands.*

Key words: *World War I, the supply of front, the military-food service, Main Quartermaster Directorate.*

В мирное время вооруженные силы в лице своих интендантских структур различных соединений и подразделений самостоятельно закупали продовольствие и фураж через структуры посредников и поставщиков. Вскоре после начала Первой мировой войны, 30 июля 1914 г., Совет министров «признал желательным приступить немедленно к покупке хлеба для нужд армии непосредственно от производителей его, причем необходимое содействие интендантству в этой операции полагал возложить, по предложению статс-секретаря Кривошеина, на местных чинов сельскохозяйственного ведомства, при ближайшем участии подлежащих земств, если таковые изъявят согласие на привлечение их к упомянутой операции». Соответственно, раз дело снабжения населения сосредоточивалось в руках А. В. Кривошеина, предлагалось «закупку и заготовку, по требованиям военного ведомства необходимых для нужд армии произведений сельского хозяйства и связанных с ним подсобных промыслов возложить на Главное Управление землеустройства и земледелия» [1, д. 1411, л. 18]. На местах создавался институт уполномоченных, которыми, как правило, становились председатели губернских земских управ. Таким образом, дело закупки продовольствия централизовалось в руках Главного управления землеустройства и земледелия (с конца 1915 г. – Министерство земледелия), которое взаимодействовало с интендантскими органами фронтов и армий, поставляя им продовольствие и

фураж согласно предъявленным заявкам военных властей.

Для централизации и успешного функционирования тыловых служб 29 августа 1914 г. были установлены «Правила о местностях, состоящих на военном положении». Согласно этому документу, командующие армиями получили такие полномочия, как запрет и ограничение вывоза продовольствия и фуража из прифронтовой полосы. Иными словами, это был расчет на так называемые «местные средства» – продфуражные ресурсы той территории, которая, согласно основополагающему военному документу – «Положению о полевом управлении войск в военное время» 1914 г., была отнесена в ведение военных властей. В начале войны под контроль Ставки верховного главнокомандования перешли губернии приграничной области – Литвы, Польши, Западной Белоруссии, Восточной Галиции, Одесского военного округа.

Предвоенная система снабжения базировалась на совокупности воинских магазинов (складов), расположенных вблизи района будущего сосредоточения армий. Однако «Положение о продовольственных магазинах в военное время» 1912 г. не предусматривало образования фронтовой инстанции, ориентируясь на отдельные армии. Поэтому с началом войны, когда происходило развертывание действующей армии, согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время», базисные склады армий перешли в ведение штабов фронтов. Промежуточные продовольственные склады стали промежуточными

фронтowymi складами. В то же время расходные склады оставались в ведении корпусов. Таким образом, в начале войны армии не имели своих продовольственных складов. Следовательно, вскоре были открыты армейские продовольственные склады, не предусматривавшиеся до войны. Поэтому в начале военных действий «в войсках многие вопросы заготовки продовольствия и имущества решало корпусное интендантство. Корпусной интендант собирал в районе расположения корпуса сведения о местных средствах и ценах на продовольствие и фураж и сообщал о них окружному интендантству. Он проверял цены на те предметы довольствия, проведение заготовок которых поручалось войскам в районе корпусного расположения. Он представлял командиру корпуса и окружному интендантству соображения о покупных ценах на мясо и другие продукты для войск, о размере приварочных окладов. Определенную заготовительную деятельность проводил и дивизионный интендант, а также воинские части» [2, с. 220].

Также высшие военачальники имели право регулирования закупочных цен на продовольственные продукты, предназначенные для снабжения армейских магазинов, которые подразделялись на базисные, промежуточные, расходные, крепостные, запасные. Рассчитывая на короткую войну, верховная власть издавала законодательные и подзаконные акты, которые, стесняя жизнедеятельность населения определенных областей, в то же время наиболее эффективно, как это позволяла российская бюрократическая машина, работали на действующую армию. С затягиванием военных действий эти акты стали, напротив, существенной препоной на пути к образованию эффективной системы снабжения и продовольствования армии и населения в военное время. Но всего этого в июле 1914 г., и до него, предвидеть было невозможно.

В связи с тем, что в январе 1915 г., используя благоприятную ценовую конъюнктуру, цены на хлеб резко подскочили, превысив даже цены неурожайного 1911 г., 17 февраля командующие военными округами получили право вводить предельные закупочные цены и запрещать вывоз хлеба из любой местности, входившей в состав того или иного военного округа. Данный шаг мотивировался необходимостью получения того количества зернопродуктов, что требовалось армии. Иными словами, военные власти в 1915 г. пытались взять дело заготовки продовольствия и фуража для армии в свои руки. Борьба за дело снабжения вооруженных сил велась всеми силовыми структурами, не только между военными и гражданскими, но и среди гражданских министерств.

Распространение запретительного права на командования военных округов еще больше запутало ситуацию, обострив борьбу в верхах. Не желая передавать продовольственное дело в руки МВД, министр

земледелия А. В. Кривошеин повлиял на императора Николая II, чтобы во главе Продовольственного комитета, образованного при Совете министров 16 марта 1915 г., встал министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской. В добавление ко всему, как сообщает генерал Н. Н. Головин, ссылаясь на замечания Главного интенданта военного министерства генерала Н. И. Богатко, «перед войной у нас прочно привилось мнение, что в мирное время незачем составлять какие-то планы и соображения о том, как продовольствовать армию и страну во время войны. Естественные богатства России считались столь большими, что все пребывали в спокойной уверенности, что получать для армии все нужное для войны не представит никаких трудностей». Эти расчеты базировались на уверениях тех «экономических светил» по типу И. С. Блюха и А. А. Гулевича, что уверяли в невозможности вести длительную войну. Якобы в таком случае воюющие государства разорятся прежде, чем сумеют добиться победы. На этих расчетах строились надежды германского Большого генерального штаба на блицкриг; на них же строилось здание той самоуверенности, что аграрная Россия никоим образом не сможет испытывать продовольственных затруднений. В итоге, как продолжает Богатко, «весь механизм, ведавший снабжением армии, с его законодательством, не был приспособлен к грандиозной задаче, которая встала перед нами в минувшую войну» [3, с. 244–245].

Перебои в снабжении с продовольствием осенью 1914 г. в существенной степени объяснялись отставанием в организации тыловых служб и нехватке квалифицированного личного состава. В 1900–1910 гг. интендантский курс при Академии генерального штаба окончили 264 офицера. В 1911 г. была открыта Интендантская академия, имевшая задачей подготовку специалистов тыловых служб армии. До войны ее успело окончить еще 300 офицеров. Во время войны занятий в Академии не было [4, с. 304]. Это количество было явно недостаточным: «перед Первой мировой войной русская армия имела самые малочисленные органы тыла и снабжения. Так, если в Германии на одного интендантского работника приходилось 226 солдат, в Австрии – 232, во Франции – 393, то в России их приходилось 525 человек. Специальная подготовка личного состава тыла и снабжения находилась на низком уровне» [5, с. 247]. С зимы стали нарастать проблемы объективного характера, что и побудило военное ведомство выдвинуть проект военно-продовольственной повинности, разработанный еще в предвоенный период.

Первой проблемной зоной в сфере снабжения действующей армии продуктами питания стало мясо (живой скот, мороженое и охлажденное мясо, солонина, заменяющие мясо продукты [рыба, сало, яйца

и пр.]); вдобавок мясопродукты не попадали под действие указа от 17 февраля. Этот факт летом 1915 г. был признан на самом высшем уровне. Кривошеин в докладе премьер-министру И. Л. Горемыкину от 11 июня 1915 г. констатировал, что гражданским структурам не удается в полной мере снабжать армию мясом. Причины: «истощение запасов убойного скота, вследствие усилившегося потребления мяса как армией, так и населением», «почти полное прекращение подвоза скота из Сибири вследствие недостаточной провозоспособности Сибирской железной дороги»; «невозможность вывоза скота в действующие армии из юго-восточного богатого скотом района, обнимающего Оренбургскую губернию, Тургайскую и Уральскую области, а также губернии Самарскую и Уфимскую ввиду распространения в этих местностях повального воспаления легких». Кривошеин предложил привлечь к поставкам скота для армии ресурсы Монголии, имеющей «громдные запасы рогатого скота и баранов, которые, при надлежащей организации, могут быть приобретены на местах и гоном доставлены к линии сибирской железной дороги, а по ней в замороженном виде перевезены в действующие армии» [1, д. 1411, л. 92–92 об.]. Предварительные доклады по этому вопросу в Главном продовольственном комитете и Главном интендантском управлении были одобрены.

В марте 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего (наштаверх) генерал Н. Н. Янушкевич требовал от тыла по 15 тыс. голов крупного рогатого скота ежедневно. В свою очередь Совет министров признал возможным удовлетворять фронт поставками не более 5 тыс. голов и в качестве паллиативной меры предложил Ставке производить закупки в ближайших к театру военных действий (далее – ТВД) районах. Именно этим актом была заложена основа армейского законного произвола в последующее время, когда военные власти в условиях транспортной разрухи имели право применять реквизиции на подвластных Ставке территориях. «Добровольная» скупка скота и иного продовольствия нередко производилась представителями войскового командования под угрозой реквизиции в случае отказа от продажи его по уменьшенным по сравнению с товарными ценам. А 4 апреля 1915 г. Главное интендантское управление (далее – ГИНТУ) сообщало в Государственную думу свои намерения о мероприятиях по заготовке хлеба для армии: «сосредоточенное расположение наших армий в течение продолжительного времени в западном пограничном районе привело к почти полному истощению местных продовольственных и фуражных средств, каковое обстоятельство вызывает предъявление Главными начальниками снабжений [фронтов] все возрастающих требований о

доставлении запасов для армий из внутренних областей империи» [6, д. 205, л. 1].

Постепенно вал армейских требований на мясные продукты с констатацией недопоставки требуемых объемов получил тенденцию к нарастанию. Телеграмма главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта генерала А. А. Маврина от 27 апреля 1915 г., негодовавшего, что с 20 февраля фронту вместо 12 гуртов скота в неделю, как это было положено, давали только 7, сообщала: «Согласно новой суточной потребности, армии необходима высылка на фронт 75 гуртов в неделю, направляя из них еженедельно 12 гуртов на Ивангород, 24 – на Люблин, 28 – на Волочиск, 11 – на Кременец... Прошу дать скот в требуемой норме, так как местные средства войскового и тылового района окончательно исчерпаны... Постоянный недосыл армиям скота недопустим, подрывает питание их, а заменить мясо нечем, так как командующие армиями против рыбы. Ввиду невывоза гуртов из империи в вытребованной норме, очевидно в силу того, что Главное Управление земледелия не в состоянии дать скот полностью в требуемом количестве, нахожу необходимым представить Киевскому и Минскому округу право заготовок скота в империи за пределами этих двух округов» по тем же ценам. Телеграмма главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта генерала Н. А. Данилова от 18 мая повторяет доводы коллеги: «Положение вопроса снабжения войск мясом на Северо-Западном фронте обострилось до крайности. Реквизиция, помогавшая выходить из затруднения, становится безуспешной вследствие полного истощения средств в районах. Сегодня Главнокомандующий уменьшил мясную дачу до $\frac{3}{4}$ фунта, считая в том числе $\frac{1}{4}$ фунта солонины. Несмотря на эту меру, войскам фронта, отбрасывая войска внутренней службы и тыловые учреждения, необходимо ежедневно подавать не менее 4 тыс. голов живого рогатого скота. Кроме того, необходимо ежемесячно получать 500 тыс. пудов солонины и возможно скорее получить всю потребованную фронтом воблу». Наконец, 5 июня главный интендант военного министерства генерал Д. С. Шуваев сообщал Маврину: «В настоящее время организуется подвоз скота из Сибири и вносится в Совет Министров представление о немедленном применении военно-продовольственной повинности к поставке живого скота. Осуществление этих мер даст возможность направить на фронт большее количество скота, для довольствия которого необходимо, во избежание расходования сена, которого не хватит в полной мере и конскому составу, заблаговременно заготовить жмыхи и солому, а также гумennyй корм, корнеплоды и побочные продукты сахароварения... Для хранения таковых продуктов необходимо, ввиду переполнения базисных магази-

нов, построить спешно легкого типа сараи и навесы на узловых станциях, как например, Вапнярке, Окнице, Жмеринке, Здолбунове, Ковеле» [1, д. 1411, л. 20–20 об., 25–25 об.].

В условиях Великого отступления Ставка зачастую шла навстречу гражданским ведомствам, хотя предпочитала держать заготовку хотя бы фуража все же под своим собственным контролем. Так, на совещании в Ставке 7 июля под председательством Янушкевича Министерство земледелия получило право закупать хлеб и фураж из нового урожая для армии даже в тыловых районах театра войны. Конечно, во многом это объяснялось отступлением русских армий и стремлением командования сохранить хлеб. Но уже тогда было признано, что параллельные закупки военного министерства, снабжавшего фронт посредством интендантского довольствия, и Министерства земледелия имеют следствием спекулятивный рост цен [7, д. 1724, л. 60–63]. Поэтому в интендантстве военного министерства и был разработан проект о военно-продовольственной повинности. Иными словами, военные власти, ссылаясь на факт недопоставок требуемого войсками продовольствия, пытались взять в свои руки заготовку продфуража для войск внутри страны, причем на длительный период вперед.

21 мая 1910 г. специальная комиссия под председательством начальника Главного интендантского управления генерала Д. С. Шуваева обсуждала вопрос «об отчуждении продовольственных железнодорожных грузов при мобилизации в видах использования для довольствия армии». Выяснилось, что «армия может быть обеспечена продовольствием в военное время не отдельными мероприятиями, каковым является отчуждение продовольственных продуктов, выгружаемых на железные дороги при мобилизации, вследствие прекращения коммерческого движения, а исключительно военно-продовольственной повинностью, при которой не только будет заготовлено требуемое количество продовольственных припасов для армии, но и заготовлено путем равномерного разложения тягостей войны на население» [1, д. 1411, л. 21]. Также, в развитие темы, еще до войны за подписью заведующего мобилизационной частью ГИНТУ генерала К. Н. Егорьева была составлена «Объяснительная записка к Положению о военно-продовольственной повинности» (далее – Записка), в которой указывалось, что «относительно продовольствия Австро-Венгрия пошла дальше других европейских государств, так как установила с 1912 г. реквизиционный способ заготовления пищевых и фуражных припасов уже в мирное время». В России же по законодательству реквизиция действовала только на ТВД. Записка констатировала: «При установлении организации, через которую повинность подлежит осуществлению, проект основывается на

общеизвестном факте, что Россия весьма богата продовольственными продуктами и потребность в них действующих вооруженных сил, как бы долго война ни затянулась, легко может быть покрыта наличием продуктов, находящихся в стране. Поэтому в России нет необходимости производить специальный и возможно тщательный учет продовольственных запасов у населения из опасения, что потребное военным силам количество его не найдется в стране, как это делается, например, во Франции. Вполне достаточно довольствоваться в этом отношении статистическими данными, собираемыми обычно различными государственными учреждениями» [1, д. 1411, л. 139 об., 141].

С открытием военных действий в июле 1914 г., Журналом от 31 июля Военный совет утвердил составленный Егорьевым проект «Положения о военно-продовольственной повинности» (далее – Положение). Текст: «Статья 1. Военно-продовольственная повинность устанавливается в целях обеспечения продовольствием в военное время сухопутных и морских вооруженных сил Российского государства, а также гражданского населения осажденных крепостей, и осуществляется посредством: а. отчуждения продовольственных грузов, находящихся на железных дорогах (как сданных на хранение, так и для перевозки), на водных путях и в складах общего пользования; б. добровольной поставки населением потребных военному ведомству припасов и в. обязательной поставке населением тех же припасов по особой разверстке... Статья 3. Отчуждению и поставке по военно-продовольственной повинности подлежат: а. рожь и ржаная мука, крупа гречневая и пшеничная, овес и ячмень; б. сено и солома; в. соль; г. рогатый скот, овцы, свиньи и мороженое мясо; д. кули и мешки. На Кавказе же и в Туркестане подлежат отчуждению и обязательной поставке также пшеница, пшеничная мука и рисовая крупа. Добровольной поставке, кроме вышеперечисленных продуктов, могут подлежать и другие необходимые для вооруженных сил припасы, как то: чай, сахар, сушеные овощи и проч... Статья 4. Племенной скот не подлежит отчуждению и обязательной поставке по военно-продовольственной повинности. Принадлежность отдельных голов скота к категории племенного удостоверяется свидетельствами, выдаваемыми из уездных земских или городских управ или соответствующих учреждений, а в Финляндии свидетельствами, выдаваемыми из сельскохозяйственного управления. На Кавказе, кроме племенного скота, освобождается от поставки по военно-продовольственной повинности также и скот, подлежащий поставке по военно-воловоьей повинности». Количество продуктов и сроки выполнения определяются военным министерством. На местах за военно-продовольственную повинность отвечают губернские (областные) продо-

вольственные комитеты. «Статья 35. При составлении расценок на продовольственные и фуражные продукты, скот, кули и мешки, губернские (областные) продовольственные комитеты руководствуются местными справочными ценами за последние три месяца с правом увеличивать эти цены, но не более чем на 10 %... Статья 39. Плата, причитающаяся населению за поставленные продовольственные и фуражные продукты, скот, кули и мешки, за наем помещений, земельных участков и рабочих, выдается полностью и не может быть обращена на покрытие каких-либо государственных или общественных недоимок и взысканий» [1, д. 1411, л. 1–5].

Указанное Положение было окончательно разработано к маю 1914 г. и после июльского утверждения Военным Советом 15 августа внесено в Совет министров. Но ввиду возложения дела заготовок на Главное управление землеустройства и земледелия «обычным в торговле порядком, вопрос о введении продовольственной повинности отклонен». Тем не менее с началом Великого отступления Совет министров 16 мая 1915 г. отправил этот проект в Особое совещание главных начальников соответствующих ведомств. 21 мая 1915 г. Шуваев докладывал военному министру генералу В. А. Сухомлинову, что уполномоченные министерства земледелия «в начале войны, пока армия большую часть продовольствия находила на месте, справлялись с возложенной на них задачей, но затем, по мере истощения местных запасов и увеличения потребностей армий, успех их операций постепенно понижался. Наконец, наступил такой момент, когда уполномоченные поставлены были в затруднение приобретать по добровольному соглашению, несмотря на наличие продовольственных припасов в России. Приток грузов в армию начал уменьшаться, запасы базисных магазинов стали истощаться...». Первым «звонком» стал закон от 17 февраля 1915 г. о принудительном отчуждении продфуража начальниками военных округов, причем «применение этого закона дало возможность заготовить все потребное для армии до нового урожая количество провианта и фуража». Однако данный закон не распространялся на скот, а между тем Кривошеин не мог давать фронту требуемые 7 тыс. голов, поставляя ежедневно лишь 900. Предложение Шуваева: заготавливать скот, фураж и хлеб по военно-продовольственной повинности, оставив Министерству земледелия только сено, солому, солонину, масло, рыбу, мешки и т.п., ибо заготавливать скот по закону 17 февраля у крестьян, «весьма неохотно расстающихся со своим живым инвентарем, крайне нежелательно *ввиду невозможности производить принудительное отчуждение равномерно между всеми*, а следовательно, и применять закон справедливо, что, естественно, может вызвать неудовольствие и даже волнение среди населения» [1, д. 1411, л. 21–22 об.].

Рассчитывая на поддержку военного министра, следующий доклад Шуваева от 9 июня показывал преимущества военно-продовольственной повинности перед законом 17 февраля 1915 г.: «1. Законом 17 февраля допущено производство реквизиций, являющихся крайним средством, влекущим за собою расстройство всей торгово-промышленной жизни. Разрешение же этим законом установления воспрещения вывоза продуктов из одного района в другой, как показал уже опыт, усугубляя еще более это расстройство, ставит продовольствие больших городов и целых промышленных районов в критическое положение. При введении же военно-продовольственных повинностей ни реквизиции, ни воспрещения вывоза продуктов не будут иметь место», ведь «производимое с объявлением мобилизации отчуждение продовольственных грузов, находящихся в железных дорогах, на водных путях и в складах общего пользования, не имеет значения реквизиции, так как применяется ко всем без исключения таковым запасом один раз в период мобилизации... 2. Закон 17 февраля не может быть применен равномерно ко всему населению, между тем как военно-продовольственная повинность применяется справедливо и в равной мере ко всем собственникам продовольственных продуктов, что и послужит моральным основанием для введения ее в действие... 4. Военно-продовольственная повинность обеспечивает самое широкое использование продовольственных средств страны для нужд вооруженных сил, ускоряет производство заготовлений и позволяет приобрести продукты по цене, близкой к их действительной стоимости. Таких выгод не дает ни один из практиковавшихся до сих пор способов заготовления, в том числе и закон 17 февраля» [1, д. 1411, л. 27 об. – 28]. Тем не менее последовавшая 13 июня отставка В. А. Сухомлинова и замена его А. А. Поливановым на время приостановили продвижение проекта о военно-продовольственной повинности по инстанциям.

Доклад в Совет министров от 6 июля 1915 г. по ГИНТУ несколько смягчал акценты: возложение дела заготовки продфуража на Министерство земледелия было правильным шагом, и фронт получал сначала требуемое количество продуктов. Однако «усилия уполномоченных по заготовке продуктов на местах при постепенно возрастающих требованиях армий в некоторых случаях встречали почти неодолимые затруднения по отсутствию соответствующих предложений на рынке. В частности, было установлено, что виновными в этом последнем отношении являлись не непосредственные производители, то есть крестьяне и помещики, а отдельные группы скупщиков – спекулянтов, операции коих уже в середине минувшей зимы привели к тому, что уполномоченным прежде всего приходилось искать продукты, а затем

уже вести переговоры, часто бесплодные, об их уступке для нужд армии». Отсюда – закон от 17 февраля, который, ввиду его определенных недостатков, следует заменить военно-продовольственной повинностью. ГИНТУ считало, что война затягивается на неопределенный срок, а «сосредоточение огромных сил на тесных пространствах с небольшим числом железнодорожных линий требует скопления больших запасов в непосредственном тылу войск, так как иначе нельзя их своевременно развезти... для сохранения свободы маневрирования войск, довольствующие органы глубокого тыла должны быть постоянно готовы к немедленному удовлетворению неожиданно возникающих требований армий о доставлении жизненных припасов не в тех количествах и не в тех направлениях, в каких это заранее было подготовлено». По соображениям военных, по военно-продовольственной повинности предполагалось взять скот в ближайших тыловых губерниях: для Северного фронта – 369 тыс. голов крупного рогатого скота, 187 тыс. овец и 140 тыс. свиней по расчету пайка в $\frac{3}{4}$ фунта на человека на 182 дня. Для Западного фронта соответственно – 310, 328 и 336 на 92 дня. Для Юго-Западного фронта – 707, 940 и 1120 на 235 дней. Северный фронт получал скот из Псковской, Тверской, Эстляндской и Новгородской губерний. Западный фронт – из Могилевской, Смоленской и Витебской. Юго-Западный фронт – из Херсонской, Бессарабской, Екатеринославской, Подольской, Полтавской, Черниговской губерний [1, д. 1411, л. 74–75, 81, 108]. То есть военные власти намеревались сразу взять у населения скот для снабжения действующей армии на срок около полугода, чтобы не иметь проблем с возможными недопоставками мясных продуктов в будущем.

Так или иначе, но проект о военно-продовольственной повинности утвержден не был, ибо в правительстве справедливо рассудили, что на фронте переданный по повинности скот не получит должного ухода, а для хранения мяса в случае массового убоя не хватит складов с ледниками. Выйдет, что армия может потерять часть этого скота, который, следовательно, будет потерян и для народного хозяйства. К тому же изъятие скота по проекту ГИНТУ должно было пройти лишь в нескольких прифронтовых губерниях, что почти совершенно лишило бы его населения скота. В то же время Особое совещание по продовольственному делу производило раскладку сдачи скота населением по всей стране более равномерно. Второй причиной отказа стал факт насыщения действующей армии скотом (а значит, и мясом) вследствие его массовой эвакуации с оставляемой противнику территории западных регионов. Летом 1915 г. отступавшие войска совершенно не нуждались в мясе, и потому в изменившихся условиях проект о

военно-продовольственной повинности логично представлял ненужным и несвоевременным.

Таким образом, в течение 1914–1915 гг. военные пытались заменить ограничительное законодательство предвоенным проектом о военно-продовольственной повинности населения, который, конечно, был несколько переработан и уточнен. Под давлением военных был принят закон от 17 февраля, который существенно ограничил рыночные отношения внутри страны и несколько осложнил работу уполномоченных Министерства земледелия. После того как император Николай II 23 августа 1915 г. занял пост Верховного главнокомандующего и сосредоточил в своих руках всю полноту власти, сглаживание противоречий между фронтом и тылом, искусственно разделявшими страну на две части, легло на плечи Ставки. Царь, невзирая на признания в письмах супруге о своей некомпетентности в вопросах снабжения действующей армии продфуражом, все-таки старался контролировать ситуацию. Следующий министр земледелия, с которым императору как Верховному главнокомандующему пришлось работать наиболее тесно, вспоминал: «Продовольственные вопросы занимали во всех всеподданнейших моих докладах первенствующее место. Его Величество ими всегда особенно интересовался и заставлял меня держать его в курсе всех работ и постановлений Особого Продовольственного Совещания» [8, с. 495]. Создание системы Особых совещаний по обороне государства и передача функций главы Особого совещания по продовольственному делу в руки министра земледелия, означали, что внутри страны ведущую роль в заготовке продфуража для фронта по-прежнему будут играть гражданские ведомства. Тем не менее военное интендантство старалось сохранить свое исключительное влияние хотя бы в районе ТВД. В итоге к концу 1915 г. зона ответственности фронта существенно продвинулась вглубь империи, в отдельные периоды 1916 г. включая в себя даже западные уезды Московской и Курской губерний, хотя фронт застыл в Западной Белоруссии. 19 декабря Совет министров выразил обеспокоенность состоянием тыла и его влиянием на фронт. В Особом журнале отмечалось, что «если по общему правилу тыловые интересы должны стоять на втором месте между велениями военной необходимости, то в некоторых случаях веления эти должны временно уступать общегосударственным соображениям...». Обосновывая свое справедливое нежелание передать дело всеобщей заготовки в руки военных властей, Совет министров указал, что «порядок и спокойствие внутри страны существенно важны для настроения армии – бодрость ее духа подвергалась бы тяжелым испытаниям при известиях о продовольственных бедствиях оставшихся на родине близких людей», и далее выражал надежду

на то, что, несмотря на наблюдающееся сокращение военных нарядов, «военные власти поступят своими требованиями и окажут гражданским начальствам зависящее содействие» [9, д. 229, л. 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 499. Главное интендантское управление. – Оп. 3.
2. Тиванов В. В. Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века) / В. В. Тиванов. – М., 1993.
3. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне / Н. Н. Головин. – М., 2001.

Институт законовeдения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула)

Оськин М. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин

E-mail: maxozv@yandex.ru

Tel.: 8 (4872) 35-27-68; 8-915-780-03-95

4. Каменев А. И. Военная школа России : уроки истории и стратегия развития / А. И. Каменев. – М., 1999.

5. История тыла и снабжения русской армии. – Калинин, 1955.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 579. Милюков П. Н. – Оп. 1.

7. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего. – Оп. 1.

8. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917 / А. Н. Наумов. – Нью-Йорк, 1955. – Кн. 2.

9. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2004. Управление Начальника военных сообщений на театре военных действий. – Оп. 2.

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association (Tula)

Os'kin M. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the General Humanitarian and Socio-legal Disciplines Department

E-mail: maxozv@yandex.ru

Tel.: 8 (4872) 35-27-68; 8-915-780-03-95